

УДК 130.2

С. А. Селюков

(аспирант)

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

(г. Белгород, Российская Федерация)

E-mail: SelyukovSA@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ «АРХАИЧНОГО ЧЕЛОВЕКА» К.-Г. ЮНГА В СВЕТЕ ТЕОРИИ «КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО»

***Аннотация.** В настоящей статье рассматривается психологическая трактовка проблемы т.н. «архаичного человека» в работе К.-Г. Юнга «Проблемы души нашего времени». Показано, что в своей интерпретации данного понятия и при сопоставлении архаичного человека с человеком современного мира Юнг опирается на собственную теорию коллективного бессознательного и включенных в него «архетипов». Архаичная психика существует в гармонии с архетипической природой мира, тогда как современный человек утрачивает это гармоничное взаимодействие с ним.*

***Ключевые слова:** Карл-Густав Юнг, «Проблемы души нашего времени», коллективное бессознательное, архетипы, «архаичный человек».*

S. A. Selyukov

Belgorod State National Research University

(postgraduate student)

(Belgorod, Russian Federation)

E-mail: SelyukovSA@yandex.ru

CONCEPT OF «ARCHAIC MAN» K.-G. JUNG'S BOY IN THE LIGHT OF THE THEORY OF THE «COLLECTIVE UNCONSCIOUS»

***Annotation.** This article examines the psychological interpretation of the problem of the so-called "archaic man" in the K.G. Jung's work "Problems of the soul of our time". It is shown that in his interpretation of this concept and in comparing the archaic man with the man of the modern world, Jung relies on his own theory of the collective unconscious and the "archetypes" included in it. The archaic psyche exists in harmony with the archetypal nature of the world, whereas modern man loses this harmonious interaction with it.*

***Key words:** Carl-Gustav Jung, "Problems of the soul of our time", collective unconscious, archetypes, "archaic man".*

Актуальность темы настоящей работы не вызывает сомнений. Она обусловлена тем фактом, что, несмотря на десятилетия, прошедшие со времен гениальных прозрений Карла-Густава Юнга, рассматриваемые им проблемы индивида и его души сами по себе остаются остро злободневными – возможно, их острота со временем даже возрастает. Ведь сегодня уже невозможно не замечать кризисный характер ситуации, в которой оказалось и человечество, и весь мир. Кризис подразумевает необходимость и неизбежность трансформаций и перемен в обществе и в самих людях. Направление же этих изменений будет во многом определяться тем, насколько глубоко человек и человечество научатся отслеживать и понимать процессы, происходящие в человеческой психике.

Изначально формирование психологического знания как знания научного было ориентировано на психические процессы, связываемые преимущественно с работой сознания, с которым психика долгое время практически отождествлялась. Положение кардинально изменили революционные открытия Зигмунда Фрейда в начале XX века. Можно по-разному относиться к отдельным деталям концептуально-теоретических построений Фрейда – таким как фрейдистский «пансексуализм», провозглашаемое Фрейдом существование танасического «инстинкта смерти» и т.п. Однако сегодня уже можно считать бесспорным прорывом то внимание, которое фрейдовская психология «перенаправила» на бессознательные психические процессы, которым во многих отношениях починяется человеческая жизнь. Одним из значимых последствий этого открытия стало то, что все последующее развитие психологической науки уже базируется на признании бессознательных содержаний человеческой психики фундаментальным механизмом ее активности.

Карл-Густав Юнг был одним из самых блестящих учеников Фрейда, хотя впоследствии он и разошелся с ним по определенным вопросам и создал собственное направление в психологии. Которое он, очевидно по аналогии с психоанализом Фрейда, обозначил как «аналитическая психология» и которую сегодня принято называть юнгианской психологией. Этот подход и сегодня остается одним из наиболее востребованных направлений современной психологии и психотерапии. Подход Юнга к пониманию человека и его психики отличался от фрейдовского по некоторым весьма существенным показателям. Тем не менее, Юнг развивал именно традицию, восходящую к его учителю, в первую очередь – представление о доминирующей роли бессознательных содержаний в психической деятельности индивида. Даже положения, получившие широкую известность именно как юнговские инновации («коллективное бессознательное», «архетипы» и др.), определенным образом перекликаются с представлениями Фрейда в области так называемого «прикладного психоанализа» – о массовой психологии и подобии закономерностей ее развития законам развития психики индивидуальной. Наиболее важным отличием собственного подхода от фрейдистского Юнг признавал «самостоятельность бессознательного» [1, с. 10].

Самый значительный вклад Юнга в разработку современных представлений о психологии бессознательного – это, безусловно, концепция «коллективного бессознательного». Другое название, которое дал Юнг этой сфере, – «объективно-психологическое»: тем самым подчеркивается трансперсональный (внеличностный) ее характер, в отличие от «субъективного бессознательного» [2, с. 77], которое включает в себя индивидуально-личностные «приобретения» [1, с. 23]. Объективный же, трансперсональный уровень бессознательного лежит в основе любых субъективных переживаний, представляя собой глубинный – абиссальный, в терминологии самого Юнга – феномен, принадлежащий, в качестве масштабной абстракции, коллективной психике (то есть психике «всего человечества в целом»), но равным образом также и индивидуальной, от которой он неотделим и в которой он репрезентируется в конкретных и уникальных формах.

Этот уровень психической организации уже по определению выступает как уровень более глубокий, чем индивидуальный. Он включает в себя предельно обобщенные и не осознаваемые индивидом «общечеловеческие, изначальные образы», «частично ожившие коллективные содержания» [1, с. 24]. Такие абстрактные бессознательные образы Юнг назвал «архетипами», от греческого слова «archetipos», означающего «пред-образ» или «первообраз». Архетип определялся Юнгом как «способ связи образов, переходящих из поколения в поколение», который «представляет собой структурные элементы человеческой психики, которые скрыты в коллективном бессознательном, общем для всего человечества» [3, с. 26].

В первые годы своей карьеры Юнг исследовал фантазии шизофреников. Юнг полагал, что эти фантазии похожи на мифические мотивы и религиозную символику, и что эти коллективные символы могут стать мостом между бессознательным и сознанием посредством трансформации либидо. Интерес Юнга продвинулся дальше к мифам и символам древних религий. Фантазии и образы сновидений, по Юнгу, являются архетипами коллективного бессознательного. Юнг утверждает, что архетипы обладают нуминозным характером, который можно описать как духовный. Спиритуалистический характер архетипов важен для психологии, поскольку, когда они переживаются индивидом, они выполняют терапевтическую функцию, предотвращая «скатывание» человека в психический дисбаланс между сознанием и бессознательным [4, р. 51].

Сегодня понятие «архетип» приобрело уже поистине парадигматический статус не только в психологической науке, но даже в массовом сознании, хотя представления Юнга о коллективных формах бессознательного достаточно сложны и, конечно, не всегда понимаются близко к «первоисточнику». В рамках же самой юнгианской системы эти представления играют ключевую роль при рассмотрении любого конкретного вопроса, в том числе вопросов социокультурной проблематики. «Говоря о социально-культурных основаниях архетипа, следует обратить внимание на то, что юнговское понятие «архетип» в контексте культуры преобразуется в понятие «культурный архетип», который определяется как архаические культур-

ные первообразы, представления-символы о человеке, его месте в мире и обществе; нормативно-ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности людей, сохранившие свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры» [5, с. 9]. Так, например, важная роль бессознательных процессов, имеющих по сути коллективный характер, подчеркивается Юнгом при анализе выделяемых им различий между индивидом, представляющим современную западную цивилизацию, и так называемым «архаичным человеком».

Этой проблеме К.-Г. Юнг посвятил специальную главу в своей книге «Проблемы души нашего времени», увидевшей свет в 1931 году [6]. Эта работа, представляющая собой достаточно детальное введение в юнгианский подход, до сих пор остается среди наиболее востребованных читательской аудиторией книг Юнга; ее числят среди важнейших работ не только данного автора, но и во всем корпусе имеющихся на сегодня научно-психологических книг. И не случайно именно здесь уделяется столько внимания юнговской концепции «архаичного человека», без полноценного понимания которой сложно адекватно оценить и общую систему юнговских воззрений. Ведь основная цель юнговской аналитической психологии – плодотворная работа с неврозами и неврозоподобными состояниями, ставшими настоящим бичом человечества к началу XX века.

Притом что как раз исторически сложившееся отличие (притом отличие кардинальное) «архаичного человека» от индивида современной цивилизации, как утверждал Юнг, выступает в качестве одного из мощнейших факторов развития подобных состояний. Он объясняет это в первую очередь тем, что жизнь «архаичного человека» отличалась естественностью и вытекающим из такой естественности гармоническим резонансом, существующим между архетипическим субстратом индивидуальной психики с одной стороны и коллективной – с другой. Между ними не возникало противоречия, ассонанса, ведущего к катастрофическим последствиям. Юнг говорит о таком резонансе как о «доверии» человека архаического мира к его истинной природе – то есть, в понимании Юнга, к природе архетипической. Подобное «доверие» способствовало развитию способности индивида «улавливать» специфические сигналы, которые мир (среда) «посылает» ему в качестве поддержки или предостережения. (Здесь отчетливо прослеживаются также следы знаменитой юнговской теории «синхронии», в которой фактически стираются границы между физически-материальными и психическими феноменами.)

К настоящему же времени, считал Юнг, эта ценнейшая способность была в значительной степени утрачена людьми, и эта утрата стала главным базисом для развития подавляющего большинства современных проблем, связанных с «духовно-душевыми» или «психическими» проблемами. (Сам Юнг не разграничивает строго такие понятия, как «душа» и «психика»: не случайно ведь последнее слово происходит от «псюхе», что в переводе с греческого как раз и означает «душа»). Эти проблемы, оказавшиеся к настоящему времени чрезвычайно острыми, Юнг связывает преимущественно с укоренившейся в современном человеке склонно-

стью к логически-дискурсивному мышлению, что приводит в итоге и отдельного человека, и все общество к определенной зависимости от этого способа восприятия реальности. Юнг не обесценивает рациональный подход, не говорит о необходимости отказа от него – однако он полагает, что чрезмерно рационализированное восприятие мира не соответствует естественному состоянию человеческой психики, а потому и способно нанести ей серьезный урон – в конкретных случаях, возможно, вплоть до катастрофического. Рационализация восприятия современного человека ведет к утрате им некогда существовавшей связи с архетипической природой образов бессознательного.

На Юнга оказали большое влияние представления знаменитого антрополога Люсьена Леви-Брюля о психологии первобытного человека. Однако Юнг далеко не во всем соглашается с Леви-Брюлем. Его собственные исследования, говорит он, убеждают его, что некоторые подходы французского антрополога недостаточно отражают действительную картину либо даже противоречат ей. Ведь согласно утверждениям Леви-Брюля, психика «архаичного» или «первобытного» человека в некоторых отношениях функционирует иначе, чем психика человека современного. Юнг же настаивал, что радикальных различий между способами их функционирования не существует: «... архаичная психология является психологией не только первобытного, но и современного, цивилизованного человека; однако под этим понимаются не те отдельные проявления атавизма в современном обществе, а скорее психология каждого цивилизованного человека, который, несмотря на свой высокий уровень сознания, в более глубоких слоях своей психики все еще остается человеком архаичным» [6, с. 51].

Как физическое тело человека есть тело животного, млекопитающего, к тому же включающее в себя также и множественные реликты более ранних животных форм (например, холоднокровных), – так же и психика (или «душа») представляет собой результат развития столь же множественных архаических форм. Действительно значимые различия можно обнаружить лишь в сфере представлений об окружающем мире: у первобытных и современных людей они очень разные, а именно на этих представлениях базируются важнейшие психические процессы; это вызывает иллюзию масштабных различий и в самих процессах психической деятельности. «Ничто не указывает на то, что первобытный человек мыслит, чувствует или воспринимает принципиально иначе, чем мы. Душевная функция является здесь, в сущности, той же самой. Но исходные посылки – иные» [6, с. 51].

Главное, что выделяет Юнг в восприятии реальности первобытным «архаичным» человеком, – характерная для него убежденность, что все, что происходит в мире, поддается объяснению с позиций, признающих воздействие внешних сил. И эти силы он видит преимущественно как силы магические. Архаичный человек верит в магические воздействия и в их широкую распространенность – однако причина его веры, считает Юнг, не в элементарном недостатке фактических знаний о физических причинах происходящего, как принято считать. Он способен видеть и

понимать материальные причины материальных следствий – однако остается в убеждении, что этих материальных причин недостаточно для полного объяснения того, что происходит. В то время как современному человеку вполне хватает понимания материальных причин и следствий: наличие строгого физического, эмпирического и рационального объяснения тех или иных феноменов, по его мнению, не требует никаких других аргументов. Он чувствует внутреннюю потребность знать, что все в мире, что он воспринимает органами чувств, своей причиной имеет материальные факторы. В его картине мира не только его личная среда, но весь Космос не просто подчиняется физическим законам – но полностью определяется ими.

Отдельные феномены могут не слишком вписываться в эту картину – однако, по его убеждению, они просто пока еще не получили достаточно разумного рационального обоснования; с развитием науки подобные «белые пятна» будут устраняться: «Наша рациональная исходная посылка состоит в том, что все имеет свои естественные, видимые причины. В этом мы убеждены *a priori*. В этом смысле каузальность является для нас самой священной догмой. В нашем мире нет законного места для невидимых, произвольных, так сказать, сверхъестественных сил, разве что погрузиться вместе с современным физиком в неведомый микромир атомных недр, где, похоже, случаются диковинные вещи» [6, с. 51]. Отсюда и еще одна его принципиальная убежденность – в способности человечества господствовать над природой, подчинять ее своим желаниям, опираясь на известные физические законы.

Архаичный человек, между тем, внутренне не ощущает возможности такого «господства» над природой и миром, подобные мысли его мировосприятию попросту не созвучны. Все, чем обладают первобытные люди, представляется им доставшимся как бы по милости неких сил, гораздо более мощных и высоких по своей природе, чем их собственные. Те же высшие силы, следовательно, могут распоряжаться всем, что имеют люди, по собственному усмотрению, являя им таким путем свою милость либо недовольство. Юнг приходит к выводу, что обе крайние позиции – и безусловное преклонение перед высшими силами с признанием их всемогущества, и «перенесение» человеком на себя роли этих всемогущих сил, в действительности оказываются не особо обоснованными, впрочем, как и любая крайность. Главное же в том, что обе эти позиции не столько адекватно отражают положение вещей в мире и природе, сколько полностью обусловлены имеющимися убеждениями, выстроенной с детства картиной мира, то есть по существу факторами чисто психической природы.

Секуляризм современной культуры Юнг обосновывает именно этой претензией человека на господство над природным миром. Он считает, что претензия эта является малообоснованной, но приводит повсеместно к полному отрицанию не только всемогущества неких «надчеловеческих» сил, но и в целом их существования, то есть к агностицизму и атеизму. Последние же, в свою очередь, ведут не только к невротизации индивида (в силу появляющегося у него ощущения «одиночества» в

этом мире), но и к последствиям в масштабах всего человеческого социума – таким как войны, глобальные проблемы, ядерная угроза и т.п. Психический механизм этой «претензии» видится Юнгу следующим. Человеческая психика интроецирует представления о «надчеловеческом», божественном, сакральном и таких его атрибутах, как всеисие и господство. Соответствующие архетипы, как образы коллективного бессознательного, воспринимавшиеся некогда в качестве внешних, теперь воспринимаются уже в качестве обоснования способности людей полностью ставить под свое управление на глобальные природные и социальные процессы.

Сопоставление двух кардинально отличных человеческих картин мира – архаичной и современной – приводит Юнга к заключению, что ни одна из них не может быть абсолютно верной; но в то же время он подчеркивает, что восприятие мира архаичным человеком демонстрирует большую тонкость, глубину и сложность, чем современное. Сам он верил, что даже те природные феномены, которые имеют очевидные причины материально-физического плана, на более глубинном уровне понимания могут объясняться и более глубокими факторами, в первую очередь «психическими» или «духовными». И при таком допущении – во многом разделяемом, кстати говоря, и другом Юнга, лауреатом Нобелевской премии по физике Вольфгангом Паули, – архаичное восприятие оказывается и более адекватным и разумным: «Свою веру в силу произвола первобытный человек основывает не на пустом месте, как думали раньше, а на опыте. Группирование случаев оправдывает то, что мы называем его суевериями, поскольку и в самом деле существует вероятность совпадения необычных вещей по времени и месту. Не надо забывать, что здесь наш опыт бросает нас на произвол судьбы. Мы недостаточно наблюдательны, потому что настроены несколько иначе...» [6, с. 319].

Конечно, положения Юнга, разрабатываемые им в рамках концепции «архаичного человека», во многом остаются дискуссионными. В них можно видеть, в частности, ту же амбивалентность, которую видят некоторые исследователи в его отношении к Востоку и восточной мысли. (Что не удивительно, поскольку для западного интеллектуала первой половины XX века, каким и был Юнг, Восток в некотором смысле оставался «архаичным» – а следовательно, разделяющим плюсы и минусы «архаичного» мышления.) Тем не менее, проблема масштабной невротизации индивида и социума, подробно анализируемая Юнгом в рассматриваемой работе, и анализ порождающих ее факторов в сегодняшний кризисный период развития человечества представляют особый интерес и требуют глубокого и вдумчивого изучения.

Список литературы

1. Юнг К.-Г. Сознание и бессознательное. – М.: Академический проект, 2009.
2. Юнг К.-Г. Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994.
3. Психология: Словарь / Общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд. М.: Политиздат, 1990.
4. Yogo R. Jung and Buddhism: A Hermeneutical Engagement with the Tibetan and Zen Buddhist Traditions. – Canterbury: The University of Kent, 2001.
5. Сюткина Е.Н., Кандыбович С.Л. Архетип как социокультурный феномен: философские и культурные основания // Человеческий капитал. – 2016. – № 7 (91). – С. 6-15.
6. Юнг К.-Г. *Проблемы души нашего времени*. – М.: Прогресс, 1994.